

Беляев А. Д. Истинное христианство и гуманизм: [По поводу реферата Вл. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового мирозерцания»] // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 9. С. 361–380 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИЗМЪ.

(Продолженіе).

Въ ученіи о христіанской нравственности и гуманизмѣ не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ объ отношеніи личной нравственности къ общественной, который составляетъ только часть болѣе общаго вопроса объ отношеніи личности къ другимъ людямъ, къ обществу, народу и государству, къ цѣлому человѣчеству. Оба эти вопроса, и частный и общій, въ настоящее время привлекли къ себѣ вниманіе и разрабатываются мыслящими людьми. Можно замѣтить два главныхъ направленія мысли въ постановкѣ и рѣшеніи ихъ.

Съ одной стороны, подъ вліяніемъ дарвинизма и ученій о безусловной свободѣ, которою имѣетъ право пользоваться каждый человѣкъ, выдвинута мысль о жизни, какъ борьбѣ за существованіе, борьбѣ каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго, и борьба эта признана естественной, даже полезной, во всякомъ случаѣ неизбѣжной, при чемъ вопросъ о безнравственности и безчеловѣчности такой борьбы въ расчетъ не принимается; конечно, въ этой борьбѣ слабые погибаютъ, подавляемые болѣе сильными и сокрушаемые самой природой, но тѣмъ лучше для рода, который этимъ способомъ совершенствуется, такъ какъ худшіе члены его погибаютъ, не оставивши потомства, т. е., такихъ же слабыхъ, какъ они сами, или оставляютъ потомство, скоро вымирающее, и на племя остаются сильные, красивые и болѣе совершенные во всѣхъ отношеніяхъ люди. Этотъ вы-

вѣдь глубоко антипатиченъ съ нравственной и вообще человѣчной точки зрѣнія, отзывается каннибализмомъ, отдаетъ запахомъ крови, и потому дарвинисты не осмѣливаются даже высказывать его явно, но онъ неизбѣжно вытекаетъ изъ началъ эволюціонизма ¹⁾).

Параллельно, и, можетъ быть, какъ противовѣсъ этому безчеловѣчному взгляду на отношенія личности къ сочленамъ его рода, идетъ другое теченіе мысли, раскрывается противоположный взглядъ на эти отношенія. Люди вѣрующіе въ возвышенныя требованія религіи, а невѣрующіе гуманисты въ естественномъ родствѣ между людьми и въ нравственной обязанности воспитывать и развивать привязанность къ нимъ находятъ твердое основаніе для положенія, что должно любить другъ друга. Въ свою очередь политико-экономы доказываютъ, что человѣкъ если и долженъ съ кѣмъ бороться, то только съ виѣшной природой, и такъ какъ эта борьба трудна, то люди должны дѣйствовать противъ нея сплоченно, артелью, міромъ-соборомъ. Во взаимной любви и взаимопомощи между людьми первые видятъ необходимое условіе ихъ нравственнаго и умственнаго совершенствованія и вмѣстѣ залогъ вѣчнаго спасенія, вторые—основу ихъ человѣческаго достоинства и благородства, а всѣ вообще—первѣйшій источникъ ихъ матеріальнаго благосостоянія, ихъ счастья, ихъ поступательнаго движенія. Вопреки дарвинистическому взгляду на жизнь, какъ борьбу за существованіе, наблюденія надъ жизнью натуральныхъ народовъ и надъ жизнью животныхъ указываютъ на существованіе взаимопомощи даже тамъ, гдѣ нравственные мотивы слабы или и совсѣмъ отсутствуютъ, и подтверждаютъ справедливость христіанскаго и гуманистическаго взгляда на взаимопомощь. Въ новѣйшее время широкое знакомство съ низшими племенами показало преувеличенность стараго взгляда на ихъ звѣрскіе нравы и обнаружило разностороннее примѣненіе у нихъ взаимопомощи ¹⁾. Даже и въ животномъ царствѣ борьба не на жизнь, а на смерть, убій-

¹⁾ Къ какимъ кровавымъ результатамъ ведетъ послѣдовательное примѣненіе дарвинистическаго начала борьбы за существованіе, это художественно изображено въ романахъ „Поля Бурже“.

²⁾ См. напр. статью въ журналѣ *Revue scientifique*, помѣщенную въ переводѣ въ *Русскомъ Богатствѣ* 1891 Ноябрь: „Взаимопомощь у дикарей“.

ственная борьба за существованіе ведется между различными родами и видами животныхъ; въ предѣлахъ же одного и того же вида она примѣняется только въ особыхъ случаяхъ, напр. при спариваніи, или голодѣ, и никогда не бываетъ истребительной, а нѣкоторыя животныя живутъ и дѣйствуютъ самой дружной артелью и оказываютъ другъ другу помощь и нѣжную заботливость.

Такъ разсуждаютъ ученые люди, а люди, дѣйствующіе по началу взаимной любви, самой жизнью своей показываютъ твердость и великую благотворность этого начала, самымъ дѣломъ являютъ его, какъ источникъ нравственнаго совершенства и матеріальнаго благосостоянія и личности, и ассоціаций людей, и цѣлыхъ государствъ.

Но замѣчательно, что современные гуманисты, повидимому, совершенно совпадая въ своемъ взглядѣ на взаимную помощь съ христіанскимъ ученіемъ о любви людей другъ къ другу, на самомъ дѣлѣ значительно расходятся съ нимъ. Замѣчательно еще и то, что этотъ взглядъ, будучи противоположенъ дарвинистическому ученію о борьбѣ за существованіе въ своемъ исходномъ пунктѣ, совпадаетъ съ нимъ въ конечной цѣли. Въ борьбѣ за существованіе цѣлью полагается благо и совершенствованіе рода и ради достиженія этой цѣли оправдывается и даже считается полезнымъ убійство слабыхъ членовъ рода, личность является средствомъ для лежащей внѣ ея цѣли и безпощадно приносится въ жертву ей. Но и во взаимопомощи, о которой проповѣдуютъ теперешніе гуманисты, конечною цѣлью признается общее благо, а не личное, хотя, правда, при этомъ предполагается, что съ достиженіемъ общаго блага и посредствомъ служенія ему осуществляется и благо личности. Такимъ образомъ въ обоихъ взглядахъ конечною цѣлью жизни считается достиженіе общественнаго блага, и расходятся они только въ выборѣ средствъ для достиженія одной и той же цѣли: первый предлагаетъ взаимную борьбу, второй—взаимную помощь.

Въ конечныхъ цѣляхъ своихъ эти два противоположныхъ взгляда сходятся потому, что въ томъ и въ другомъ имѣется въ виду исключительно земная жизнь, блага только земной жизни. И въ этомъ лежитъ тайная причина, почему въ конечныхъ выводахъ обоихъ взглядовъ цѣна личности сводится

на нѣтъ, она заклана въ жертву Молоху, которому не до-станеть жертвъ, сколько ихъ ни приноси. Эти выводы тѣмъ болѣе неожиданны, что представители того и другаго взгляда не перестаютъ распинаться за права личности. На самомъ дѣлѣ они неизбежно вытекаютъ изъ сущности обоихъ взглядовъ. Спрашивается, какую цѣну можетъ имѣть личность человѣка, если допускается только существованіе его на землѣ, которое продолжается 30—70 лѣтъ, и *при большей крепости 80 лѣтъ?* (Псал. 89, 10). Въ такомъ случаѣ одно изъ двухъ: или *станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ* (1 Кор. 15, 32), или, при болѣе возвышенномъ, нежели эпикурейскій, взглядѣ на жизнь, будемъ жить для блага рода, всего человѣчества. Иной цѣли не придумаешь.

Эту ишю, высшую, цѣль указываетъ христіанство въ своемъ ученіи о загробной вѣчной жизни, какъ каждаго человѣка, такъ и всего человѣчества. По христіанскому ученію, земная жизнь человѣка есть приготовленіе къ вѣчной жизни и должно быть цѣлью для этой послѣдней. При такомъ взглядѣ, достиженіе блага самоличнаго и блага общаго составляетъ, съ одной стороны, цѣль земной жизни, ибо къ самоличному благу мы стремимся по естественной потребности, а къ общему—столько же по естественной склонности къ людямъ, сколько и по нравственному долгу; а съ другой, оно есть средство для иной, высшей цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы и намъ самимъ достигнуть высшихъ благъ вѣчной жизни, и другимъ людямъ помочь достигнуть ихъ. При такомъ взглядѣ цѣна личности человѣка, какъ сотрудника цѣлаго человѣчества въ достиженіи послѣднимъ блага, и притомъ высшаго блага, остается, и въ то же время сама личность человѣка не приносится съ безжалостною жестокостію въ жертву благу рода, не теряется безнадежно, подобно каплѣ въ морѣ, а напротивъ, чрезъ служеніе общему благу еще болѣе возвышается и достигаетъ своихъ личныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ—первыхъ не всегда, вторыхъ неотмѣнно.

Мы не говоримъ уже о томъ, на сколько это ученіе утѣшительнѣе для сердца, нежели тѣ два взгляда, мрачныхъ и способныхъ однихъ толкнуть въ эпикурейство, а другихъ повергнуть въ безнадежную тоску и довести до самоубійства, но оно превосходитъ ихъ и во всѣхъ другихъ отно-

шеніяхъ. Съ философской точки зрѣнія оно шире ихъ, выше и болѣе соотвѣтствуетъ природѣ человѣческаго духа съ его способностями, потребностями и стремленіями. Тѣ два взгляда приравниваютъ человѣка къ животному, а на самомъ дѣлѣ по духу онъ не животное, и философія, за исключеніемъ матеріалистической, никогда не признавала его животнымъ, хотя бы и перворазряднымъ. Нечего и говорить, па сколько христіанское ученіе превосходитъ оба взгляда въ нравственномъ отношеніи. Въ дарвинистическомъ взглядѣ для нравственнаго начала нѣтъ мѣста: жизнь человека—жизнь натуральная, и всѣ, даже звѣрскія ея проявленія, оправдываются. Гуманистическій взглядъ въ нравственномъ отношеніи гораздо выше дарвинистическаго, но и въ немъ любовь къ ближнимъ, взаимопомощь, служеніе общему благу, признаются добродѣтелями, желательными и необходимыми только потому, что онѣ полезны и благородны. Слова: *святость* въ гуманистическомъ лексиконѣ нѣтъ, а уже это одно показываетъ, какъ низкопробы и по мотивамъ, и по существу, и по цѣли проповѣдуемыя ими добродѣтели, не исключая и столь высокой добродѣтели, какъ любовь къ ближнимъ и забота объ общемъ благѣ.

Оставляя безъ разсмотрѣнія дарвинистическій взглядъ, который не имѣетъ близкаго отношенія къ нашему предмету, обратимся къ болѣе подробной оцѣнкѣ воззрѣнія современныхъ гуманистовъ на любовь человека къ ближнимъ, на отношеніе личности къ обществу.

Между тѣмъ какъ христіанство уравниваетъ отношеніе между личностію и обществомъ и въ заботахъ объ общемъ благѣ не жертвуетъ личностію, современный гуманизмъ во имя общаго блага отрицаетъ самоцѣль въ жизни личности. Онъ неприязненно относится къ индивидуализму. Это сказалось въ самомъ названіи, которымъ нынѣшніе гуманисты обозначили любовь человека къ ближнимъ, или взаимопомощь: они назвали ее *альтруизмомъ*. Альтруизмъ—противоположность не только эгоизма, но и индивидуализма. Индивидуализмъ эгоистическій, въ которомъ г. Соловьевъ обвиняетъ средневѣковое міросозерцаніе, есть, конечно, зло, но приписывая его средневѣковому христіанству, онъ, кажется, стоитъ не на исторической точкѣ зрѣнія, какъ бы

слѣдовало, а на точкѣ зрѣнія современнаго намъ альтруизма, по которой индивидуализмъ вообще есть зло.

Что же такое альтруизмъ?

Ученіе объ альтруизмѣ раскрыто позитивистами и пессимистами. Сущность этого ученія въ томъ, что индивидуальность — зло, что нужно жить и дѣйствовать для блага другихъ людей, для блага общества или рода, для блага всего человѣчества, и что другихъ людей нужно любить больше себя самого. Жертвуя собою и всѣмъ своимъ для блага другихъ людей, человѣкъ достигаетъ счастья; напротивъ, онъ не можетъ достигнуть счастья, когда стремится къ личному счастью, для него живетъ и дѣйствуетъ. Страданія рода, другихъ людей суть наши страданія, и счастье ихъ есть наше счастье, а потому, стремясь ослабить страданія рода и увеличить его благо, мы тѣмъ самымъ уменьшаемъ свои собственные страданія и увеличиваемъ свое личное счастье. Цѣнно, велико и живуче, или даже вѣчно только цѣлое человѣчество, весь родъ. Каждый же членъ рода, личность человѣка есть совершенное ничтожество, нѣчто злое и измѣнчивое, призракъ. Будучи результатомъ общества въ лицѣ предшествующихъ и современнаго ему поколѣній, человѣкъ имѣетъ цѣну только какъ членъ общества, долженъ жить только для общества, а не для себя. Чѣмъ меньше онъ будетъ помнить и заботиться о своемъ личномъ я, чѣмъ болѣе онъ, такъ сказать, сольется съ родомъ, тѣмъ лучше и для него и для рода. Жить не для себя, а для другихъ — это законъ жизни, дѣйствующій съ неуклонной силой. Какъ часть рода, человѣкъ не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, потому что онъ живетъ въ предшествовавшихъ ему поколѣніяхъ, будетъ жить въ послѣдующихъ и неразрывно связанъ съ современнымъ ему поколѣніемъ. Предпочтительной любви къ кому бы то ни было не должно быть. Люби всѣхъ другихъ больше, чѣмъ себя; живи не для себя, а для другихъ; никому не вреди; не противься злу; всѣмъ, сколько можешь, помогай. Вотъ основныя положенія альтруизма.

Повидимому, альтруизмъ есть ученіе столь же возвышенное, какъ и христіанское ученіе о самоотверженіи и любви къ ближнимъ и тождественно съ нимъ. Оно, дѣйствительно,

имѣть съ нимъ большое сходство, но въ то же время и существенное различіе.

Основа альтруизма мистическо-пантеистическая и натуралистическая. По ученію пантеистовъ, формы, въ которыхъ проявляется жизнь или божественное бытіе, суть или миражъ бытія, или проявленія абсолютной субстанціи, вытекающія изъ нея и опять съ нею сливающиміяся,—это волны на безмѣрной поверхности океана жизни. И человѣческая индивидуальность и жизнь что иное, какъ не волна, на мгновение всплывшая и моментально погрузившаяся въ бездну безконечнаго бытія? Сліяніе всѣхъ и всего въ одномъ — это основная черта пантеизма, и она же преобладаетъ въ альтруизмѣ.

Другая, чуждая христіанству, особенность альтруизма — это близкая связь его съ детерминизмомъ, съ отрицаніемъ свободы воли. Гдѣ ни во что ставится индивидуальность, тамъ можетъ-ли имѣть силу личная свобода воли? Она ничто и совершенно подчинена или силѣ рода, или міровой волѣ, или міровому разуму, или всеобщей жизни, или всебожеству.

Отрицающа индивидуальность, трудно не придти къ отрицанію безсмертія души.

По ученію христіанскому, человѣкъ долженъ отвергнуться себя ради Христа: по ученію альтруистовъ—самоотверженіе требуется ради другихъ людей, ради рода человѣческаго.

По христіанскому ученію, людей должно любить, какъ самого себя: по ученію альтруистовъ ихъ должно любить больше себя.

Можетъ показаться, что въ этомъ пунктѣ ученіе альтруистовъ возвышеннѣе даже Христова ученія. Но когда люди желаютъ быть святѣе самихъ святыхъ и стремятся поставить идеалы высшіе въ сравненіи съ заповѣдями Божиими, то тутъ что-нибудь да не такъ. Тутъ есть или лицемѣріе, или педомысліе и неразуміе, или незнаніе человѣческой природы, или безмѣрное самомнѣніе и жесткость сердца, или мечтательность, или самообольщеніе, или коренная ложь цѣлаго міросозерцанія человѣка, или, наконецъ, психическое расстройство. Всякаго рода утопіи потому и пользуются сочувствіемъ, что онѣ имѣютъ видъ чего-то возвышеннаго и величественнаго. Это фейерверкъ, изумляющій яркостію, красотой и разнообразіемъ въ сочетаніи лучей и искръ, но

не способный ни свѣтить, ни грѣть, и мгновенно потухающій. Утопіи хороши въ рѣчи оратора, въ словѣ писателя, но несостоятельность ихъ обнаруживается, какъ только начинаютъ осуществлять ихъ въ жизни; при столкновеніи съ живою дѣйствительностію онѣ лопаются, какъ мыльные пузыри.

Что альтруизмъ есть одна изъ утопій, которыми себя тѣшатъ праздные мечтатели, это несомнѣнно. Индивидуальность не есть порожденіе грѣха, потому что была раньше грѣха. Она — твореніе Божіе, скажетъ вѣрующій; она — произведеніе природы, скажетъ невѣрующій въ Бога натуралистъ. Въ дѣйствительности, она — и твореніе Божіе и произведеніе природы, она — законъ бытія. Можно сколько угодно разглагольствовать о ничтожествѣ индивидуальности, о томъ, что она есть зло, можно даже питать замыслы, какъ это дѣлаютъ буддисты и пессимисты, объ окончательномъ уничтоженіи индивидуальнаго бытія: міровой законъ останется закономъ, никакого ущерба отъ ихъ разглагольствій не потерпитъ, ни на одно мгновеніе не прекратитъ своего дѣйствія, подобно тому, какъ горный кряжъ ни мало не сдвинется съ мѣста отъ усилій ничтожнаго червяка, который, для продолженія себѣ пути, вздумалъ бы его передвинуть. Но альтруисты, — разумѣемъ крайнихъ изъ нихъ: буддистовъ и пессимистовъ, — оказываются въ положеніи, болѣе комичномъ и жалкомъ, нежели тотъ червякъ, потому что послѣдній, употребляя усилія противъ горы, дѣйствуетъ не противъ себя, а альтруисты, выступая въ походъ противъ индивидуальности, пруть противъ закона, который живетъ и дѣйствуетъ въ нихъ же самихъ, идутъ противъ самихъ себя. Но самому отрицать самого себя въ сущности нельзя. Мы полагаемъ, что крайній альтруизмъ самообманъ. Есть альтруисты на словахъ, альтруистовъ на дѣлѣ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, они — исключеніе. Уже самымъ фактомъ провозглашенія своего ученія они не только утверждаютъ законъ бытія своей индивидуальности, но даже проявляютъ демонически-гордую самостность, потому что они идутъ при этомъ противъ закона Божія, противъ закона природы, противъ общаго сознанія всѣхъ людей, и выше всего этого хотятъ поставить знамя своего ученія. Высшая степень отрицанія своей индивидуальности есть самоубійство. Однако уже въ

самоі рѣшимости покончить съ собой и еще болѣе въ осуществленіи этой рѣшимости опять таки проявляется сила индивидуальности. Замѣчательно, что за исключеніемъ случаевъ помраченія разсудка отъ мозговыхъ страданій или отъ другихъ причинъ, кончаютъ жизнь самоубійствомъ или имѣютъ склонность къ этому именно натуры эгоистичныя¹⁾; а это-то и показываетъ, что индивидуальность и эгоизмъ — предметы различные. Повидимому, самоубійца нисколько не нарушаетъ закона Божія, *ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя* (Гал. 6, 14: Ср. Лев. 19, 18). Въ особенности это можно сказать о тѣхъ, которые, страдая тяжкимъ и неисцѣльнымъ недугомъ, служатъ въ тягость себѣ и другимъ и никакой пользы ближнимъ принести не могутъ. Однако Церковь признаетъ самоубійство самымъ тяжкимъ, даже непрощительнымъ грѣхомъ. Почему? Думаемъ, не только потому, что оно обнаруживаетъ недостатокъ въ человѣкѣ терпѣнія, надежды на Бога и преданности Его волѣ, но и выражаетъ самостное присвоеніе себѣ правъ, принадлежащихъ Богу, самостное возстаніе противъ воли Божіей и противъ установленнаго Богомъ порядка. Какойнибудь жукъ, у котораго безжалостные мальчишки оторвали ноги и крылья, всетаки коношится, употребляетъ послѣднія усилія, чтобы уйдти и сохранить свою жизнь. Только человѣкъ сознательно и намѣренно прекращаетъ свою жизнь. Пусть причиной и отчасти оправданіемъ самоубійства бываютъ иногда невыносимыя страданія. Но за кого же нужно признать тѣхъ, которые, какъ буддисты, ради погруженія въ нирвалу, ради слиянія съ міровою жизнью, ради прекращенія индивидуальнаго бытія, самоубійство возводятъ въ принципъ, въ добродѣтель, въ дѣло мудрости, въ величайшій подвигъ жизни, въ идеаль, въ законъ бытія, къ осуществленію котораго должны все стремиться? Буддистскіе фанатики, купающіеся въ священнѣхъ, по ихъ вѣрованію, водахъ Ганга съ намѣренною цѣлю быть проглоченными аллигаторами, лучше-ли поступаютъ, чѣмъ ветхозавѣтные семитическіе поклонники Молоха и другіе религіозные каннибалы, мнив-

¹⁾ Это мнѣніе высказано нѣмецкимъ психологомъ Карусомъ въ сочиненіи „Psyche,“ опытъ подтверждаетъ его.

шіе угодить Богу тысячами человѣческихъ жертвъ? И тѣ и другіе—ревностные поклонники своей вѣры, но такая ревность — безуміе, потому что безразсудны самые принципы ея. Такія жертвы не могутъ быть угодны Богу, потому что Богъ есть Богъ жизни, а не смерти, которая есть дѣло діавола; Онъ Богъ любви и мира, а не огня и меча.

Даже и бѣглый взглядъ на природу и человѣческую жизнь долженъ бы научить альтруистовъ не считать индивидуальности зломъ и не сближать ее съ эгоизмомъ. Какъ въ природной, такъ и въ человѣческой жизни совершенствованіе идетъ рука объ руку съ индивидуализаціей. Въ неорганической природѣ, въ металахъ и минералахъ, можно сказать, нѣтъ индивидуальной жизни или роста: мало отличаясь другъ отъ друга, каждый изъ нихъ состоитъ изъ тождественныхъ частей. Почти такое же безразличіе замѣчается и въ самыхъ низшихъ растительныхъ и животныхъ организмахъ; однако въ нихъ уже есть зачатки органовъ и нѣкоторое разнообразіе функцій. По чѣмъ дальше мы идемъ по ступенямъ растительнаго и особенно животнаго царства отъ низшихъ формъ къ высшимъ, тѣмъ сложнее становятся организмы, тѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе формы ихъ, тѣмъ болѣе обособляются одни индивидуумы отъ другихъ, и въ каждомъ индивидуумѣ органы становятся болѣе совершенными, а жизнь дѣлается болѣе сложной и разнообразной въ проявленіяхъ, качественно болѣе совершенной. Чѣмъ менѣе совершенна тварь, тѣмъ болѣе сливается она съ общою жизнью природы; чѣмъ она совершеннѣе, тѣмъ болѣе обособляется отъ окружающей ее среды и жизни. Такое же соотвѣтствіе степеней совершенства съ степенями индивидуализаціи существуетъ и въ человѣческомъ родѣ: въ его индивидуумахъ, въ его племенахъ, въ его историческомъ развитіи. Въ низшихъ племенахъ индивидуализація не значительна: дикари одного и того же племени во всемъ очень похожи другъ на друга. Чѣмъ талантливѣе, дѣятельнѣе и образованнѣе племя, тѣмъ больше индивидуумы его отличаются другъ отъ друга. Наконецъ, геніи, великіе люди, избранныки Божіи, преобразователи историческихъ судебъ, могучіе двигатели просвѣщенія, всегда и неизбѣжно отличались рѣзко очерченной и далеко выдвиг-

гающейся изъ общаго уровня индивидуальностію. Геній всегда и безусловно самобытенъ. Онъ никому не подражаетъ, и ему никто не можетъ подражать. Рафаель въ своемъ творчествѣ не похожъ ни на одного другаго геніальнаго художника. Платонъ, Гомеръ, Софокль, Дантъ, Шекспиръ, Фидій, Бетховенъ, Моцартъ — всѣ они великіе геніи, но у каждаго творчество самобытное, особое. Сколько бы ни прошло вѣковъ, сколько бы ни явилось новыхъ геніевъ, ни одинъ геній, ни изъ старыхъ, ни изъ новыхъ, не будетъ имѣть и не можетъ имѣть своего alter ego. Кажется, геніи и всѣ вообще великіе люди должны бы быть самыми счастливыми людьми на свѣтѣ; на самомъ дѣлѣ ихъ жребій большею частію тяжкій: современники либо не понимаютъ и не цѣнятъ ихъ, либо осмѣиваютъ, ненавидятъ и гонятъ. Какъ это ни странно, но люди сильнаго ума, чистой нравственности, съ возвышенными идеалами — часто бываютъ одиноки въ мірѣ, или даже становятся жертвой своего высокаго призванія. Шой остался одинокъ среди до-потопнаго человѣчества, и проповѣдь его не нашла ни отклика, ни сочувствія. Въ ветхомъ завѣтѣ живые пророки льстили народу и благодушествовали, не смотря на то, что вели его къ гибели; а объ истинныхъ пророкахъ одинъ изъ сихъ говоритъ: *Господи! пророковъ Твоихъ убили...; остался я одинъ, и моеи души ищу* (Рим. 11, 3; 3 Цар. 19, 14). И тѣ семь тысячъ, не преклотившихъ своихъ колѣнъ предъ Вааломъ, могли-ли они и смѣли-ли заявить свое сочувствіе ревнителю Іеговы? Даже въ отношеніи къ ученію Іисуса Христа самые близкіе Его послѣдователи оказались *несмысленными и медлительными сердцемъ* (Лук. 24, 25); прочіе слушали Его съ недовѣріемъ и отвѣтили клеветами и кровавой враждой. *Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли* (Евр. 11, 38). Безлюдныя, обитаемая дикими звѣрями, пустыни были для нихъ гостепріимнѣе, печели многолюдные города. А отъ чего? Отъ того, что они своею жизнью, своимъ ученіемъ, своими идеалами, безгранично возвышались надъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ людей. Они говорили, дѣйствовали, жили совѣмъ не такъ, какъ прочіе, какъ всѣ. Они не только не отвѣчали духу своего времени, не

только не потворствовали укоренившимся предрасудкамъ, не только не попадали въ тонъ и строй жизни своихъ современниковъ, но прямо отрицали пошлость и зло установившагося, обычнаго строя жизни, требовали замѣнить старые мѣхи новыми и старое вино новымъ виномъ. И можетъ-ли быть иначе, когда они являются творцами, представителями и проводниками высшихъ, обновляющихъ и пересозидающихъ жизнь, идеаловъ? Въ томъ и выражается высочайшая степень ихъ индивидуальности и вмѣстѣ съ тѣмъ безграничное величiе, что они — не рабы ни духа времени, или народа, ни общепринятаго строя жизни, ни общественнаго мнѣнiя, ни кумировъ толпы, а напротивъ, во имя высшихъ идеаловъ имѣютъ могущественную силу духа идти наперекоръ жизни, чтобы обновить жизнь. Но такой протестъ оскорбителенъ для массы, погруженной въ тину обычной жизни. И отъ того въ удѣлъ праведниковъ, избранныхъ людей, часто достается тяжкій жребiй. Однако и въ самомъ страданiи своемъ они, какъ гиганты, далеко возвышаются надъ пошлымъ счастьемъ самодовольной ограниченности. Ни ихъ идеи, ни страдальческiй подвигъ ихъ жизни, ни самая смерть не пропадають безслѣдно; только сами они обыкновенно не доживаютъ до торжества своихъ идей. Прошло нѣсколько вѣковъ прежде, чѣмъ Греки убѣдились, что Сократъ имѣлъ гениальный разумъ, признавши отечественныхъ народныхъ боговъ не богами, и безмѣрное нравственное мужество, объявивши о томъ своимъ согражданамъ, и что онъ былъ правъ и за правду принялъ смерть мученика, а весь народъ и всѣ другiе языческiе народы находились въ ужасномъ заблужденiи.

Между тѣмъ какъ исполины мысли, подвижники нравственнаго долга, провозвѣстники высокихъ истинъ, всегда стоятъ выше и часто внѣ и даже въ отчужденiи отъ современной имъ жизни, непонимаемые или даже гонимые современниками, наоборотъ, чѣмъ ниже умственно и нравственно человѣкъ, тѣмъ меньше чувствуетъ онъ разладъ между сознанiемъ и жизнью, между идеалами и дѣйствительностью, между требованiями совѣсти и осуществленiемъ ихъ. Рутинеры, низменные и дурные люди, люди заурядные и пошлые, или эгоистически разсчетливые, обыкновенно очепь легко мирятся съ своею совѣстью и еще легче ужи-

ваются со всякой средой, отчасти потому, что это имъ выгодно, отчасти потому, что по безличности и бездушію они и не могутъ не сливаться съ окружающей жизнію, отчасти, наконецъ, потому, что рутинность, пошлость, нравственная и умственная апатія и всякаго рода зло — широко распространенныя стихіи, и пропитанныя этими стихіями вездѣ и всегда находятъ обширное содружество. Тина жизни часто затягиваетъ и поглощаетъ даже и тѣхъ чистыхъ и неглупыхъ людей, которые сначала чуждаются ея, но, по слабости характера, не имѣютъ силъ стоять на первоначальной высотѣ и засасываются ею. Въ такихъ людяхъ особенно сильно обнаруживается безсиліе, какъ бы отсутствіе индивидуальности. Но безволіе и безличность ни въ комъ не достигаютъ столь по истинѣ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ людяхъ, погрязшихъ въ порокахъ и отдавшихъ своимъ страстямъ. Тутъ безсиліе индивидуальности доходитъ почти до той низкой степени, на которой стоятъ животныя или люди, лишившіеся, а то и вовсе не имѣвшіе разсудка. Они и въ самомъ дѣлѣ недалеко стоятъ отъ граници идиотизма и безумія.

Съ понятіемъ объ индивидуальности и объ отношеніи ея къ эгоизму и нравственности стоитъ въ связи вопросъ о сравнительной важности личной и общественной нравственности. Это—одинъ изъ вопросовъ, выдвинутыхъ въ настоящее время, и возникъ онъ, повидимому, по почину альтруистовъ. Въ послѣдніе годы онъ обсуждался историками, юристами, психологами. Мы коснемся этого вопроса только вскользь.

Подъ вліяніемъ альтруистическихъ идей въ настоящее время принято отдавать предпочтеніе общественной нравственности предъ личной. Мы признаемъ этотъ споръ неразрѣшимымъ. Можно безъ конца и съ одинаковою силой и убѣдительностію доказывать превосходство то общественной нравственности предъ личной, то, наоборотъ, личной предъ общественной, приписывать преимущественное значеніе въ дѣлѣ поступательнаго движенія чловѣчества то обществу, то личности, и никогда ни одна сторона не возьметъ рѣшительнаго и окончательнаго верха надъ другой. Это споръ пушекъ съ парусами на кораблѣ въ баснѣ дѣдушки Крылова.

Хорошіе законы, цѣлесообразныя государственныя и общественныя учрежденія, нравственная высота и матеріальное благоденствіе народа, благопріятныя международныя отношенія, установившіяся хорошія традиціи, строгость нравовъ, сила хорошо поставленнаго и направленнаго общественнаго мнѣнія, высокій подъемъ народнаго духа, природная даровитость племени, честность печати, нормальное соотвѣтствіе между требованіями и правами правительства и общества съ одной стороны, личности—съ другой, хорошая постановка воспитанія, сила святости истинной религіи, исповѣдуемой народомъ, сплоченность и единство народа,—племенное, религіозное, достигнутое подвигомъ долгой исторической жизни, отсутствіе противоположныхъ крайностей—скопления несмѣтныхъ богатствъ и безразсудной роскоши съ одной стороны, и погруженной въ развратъ и тунейной нищеты съ другой, цвѣтущій историческій возрастъ народа, уже пережившаго младенческую перазвитость и юношескую неустойчивость и бурность, но еще далекаго отъ старческой дряхлости,—все эти и многія другія условія, заключающіяся въ историческомъ, международномъ, племенномъ, государственномъ, общественномъ, духовномъ и матеріальномъ укладѣ народа, благопріятствуютъ высокому уровню нравственности личностей—членовъ этого народа. Напротивъ, большая или меньшая недѣйствительность или положительное отсутствіе этихъ условій, или многихъ изъ нихъ, поставляютъ затрудненія для нравственнаго развитія индивидуумовъ, а противоположныя имъ условія даже положительно развращаютъ ихъ.

Но, съ другой стороны, самое совершенство государственнаго строя, народнаго быта, общественныхъ учреждений и правовъ, языка и литературы, всего духовнаго и матеріальнаго уклада жизни народа, достигается усиліями личностей, составляющихъ народъ. Въ особенности огромно и продолжительно вліяніе на жизнь народа, оказываемое гениями и великими характерами. Великіе религіозные реформаторы, гениальные писатели, знаменитые законодатели, великіе завоеватели, мудрые цари и правители, славные ученые и изобрѣтатели и другіе великіе люди своими высокими идеями и могучею дѣятельностію иногда сразу повертываютъ русло жизни народа, сразу дѣлаютъ его мно-

говоднымъ, а во всякомъ разѣ оказываютъ на нее сильное и неотразимое вліяніе. Жизнь народа подготавливаетъ и рождаетъ такихъ людей, а они, въ свою очередь, обновляютъ, пересоздаютъ и движутъ впередъ жизнь народа. Но могучая сила индивидуальной нравственности выступаетъ не въ однихъ только гениальныхъ, а часто и въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ. Такъ, часто среди глубоко развращеннаго общества, подобно райскимъ оазисамъ въ безплодной пустынь, являются и неуклонно проходятъ свой тернистый жизненный путь идеально-чистые, совершенно святые люди, и наоборотъ, въ самомъ просвѣщенномъ и стоящемъ на высотѣ нравственнаго развитія народѣ не мало нравственныхъ изверговъ. Зло вызываетъ реакцію со стороны добра, а добро вооружаетъ противъ себя силу зла.—Но возвратимся къ альтруизму.

Что альтруизмъ только по наружности, обманчиво—возвышенное ученіе, это обнаруживается изъ сродства его съ противохристіанскими ученіями, даже съ ученіями противорелигіозными, близкими къ безбожію. Уже одно это—дурная рекомендація.

Альтруизмъ былъ и въ древности. Буддизмъ, уча о непротивленіи злу, понимая любовь, какъ состраданіе, расширяя ея предѣлы на все живущее, признавая индивидуальное бытіе зломъ и несчастіемъ, поставляя идеаломъ челоуѣческой жизни погруженіе въ небытіе и покой, или сліяніе со всѣмъ бытіемъ чрезъ уничтоженіе своего личнаго существованія, можно сказать, весь состоитъ изъ альтруизма. Въ этомъ—одно изъ существенныхъ отличій буддистской морали отъ христіанскаго правоученія.

Языческія религіи не располагаютъ къ альтруизму; по свойственное нѣкоторымъ языческимъ религіозно-философскимъ системамъ ученіе о душепереселеніи было своеобразнымъ альтруизмомъ, перелесеннымъ за предѣлы гроба. Изъ ученія о душепереселеніи возникъ въ язычествѣ обычай щадить нѣкоторыхъ животныхъ, ухаживать за ними и почитать ихъ.

Изъ ученій Востока альтруистическія понятія, повидимому, проникали и въ христіанство первыхъ вѣковъ, или, по крайней мѣрѣ, были извѣстны христіанамъ того времени. Любопытную замѣтку объ этомъ мы находимъ у Григорія

Богослова. Въ своемъ знаменитомъ надгробномъ словѣ Василию Великому, описывая, какъ онъ былъ друженъ съ почившимъ святителемъ во дни юности, онъ говоритъ: „Хотя не заслуживаютъ вѣроятія утверждающіе, что все разлито во всемъ, однако же должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго“¹⁾. Такимъ образомъ не смотря даже на благопріятный для признанія альтруизма случай, Григорій Богословъ отвергаетъ его. И, дѣйствительно, какъ ни была искренна, постоянна, чиста, возвышенна и идеальна взаимная дружба Григорія Богослова съ Василиемъ Великимъ, какъ ни восторженно описаніе ея, однако Григорій Богословъ не говоритъ, чтобы онъ любилъ Василія Великаго больше себя, или чтобы Василій Великій любилъ его больше себя. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что они оба соревновали другъ другу въ достиженіи добродѣтели и учености. Предметъ ихъ любви лежалъ не въ нихъ самихъ, а въ горнемъ, стремленіе къ которому и сдружало ихъ,—чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Въ наше время проповѣдниками альтруизма являются позитивисты, начиная съ Огюста Конта, и въ особенности пессимисты—Шопенгауэръ и Гартманъ.

У насъ въ Россіи самый видный проповѣдникъ альтруизма графъ Л. Н. Толстой. Онъ заимствовалъ это ученіе у Шопенгауэра и Гартмана, а также и у позитивистовъ.

Въ настоящее время сочиненія пессимистовъ очень распространены, и идеи ихъ, какъ отвѣчающія духу времени, имѣютъ большое вліяніе на жизнь. Объ руку съ западнымъ философскимъ пессимизмомъ теперь вторгается въ жизнь христіанскихъ народовъ буддизмъ,—то пастоящій азіатскій буддизмъ, то очищенный и преобразованный христіанами, членами Теософическаго Общества, и названный ими необуддизмомъ. Поэтому настоящее время очень благопріятно для распространенія альтруизма.

Сродство альтруизма съ пантеизмомъ и съ языческимъ ученіемъ о душепереселеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ фальшь и эксцентричность этого ученія обнаруживается въ требованіи преувеличенной любви человѣка къ животнымъ. Буддисты не смѣютъ умерщвлять никакого живаго существа.

¹⁾ Творенія. Ч. 4-я, стр. 75. Изд. 1-е.

По ученію новѣйшихъ пессимистовъ сущность человѣка и животныхъ одинакова, а потому и заботиться о животныхъ человѣкъ долженъ не меньше, нежели о людяхъ. Эта послѣдняя мысль высказана и графомъ Толстымъ; проскользнула она и въ тезисы г. Соловьева, та ъ какъ, по его мнѣнію, истинное христіанство перерождаетъ человѣческую и *природную* жизнь.

Не знаемъ въ точности, что г. Соловьевъ разумѣетъ подъ именемъ перерожденія природной жизни. По какому-бы понятію ни соединялося съ этимъ словомъ, едва-ли можно признать вѣрною мысль, будто истинное христіанство перерождаетъ природную жизнь. Спрашивается, въ чемъ же состоитъ это перерожденіе? и составляетъ-ли оно задачу христіанства? Иисусъ Христосъ и Апостолы требовали, чтобы люди пересоздавали свою жизнь, но никогда не говорили не только объ обязательности, а хотя-бы даже о желательности перерожденія природной жизни христіанами. Правда, по предсказанію пророка Исаи, нѣкогда *волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненокъмъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волкъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицей, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волкъ, будетъ псть солому. И младенецъ будетъ играть надъ норой аспида, и дитя протянетъ руку на гнѣздо змыи* (11, 6—8). И по ученію апостола Павла, *сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ* (Римл. 8, 21). Но, повидимому, эти предсказанія исполнятся послѣ втораго пришествія Иисуса Христа, когда будетъ новое небо и новая земля, *на которыхъ обитаетъ правда* (2 Петр. 3, 12), когда настанетъ ожидаемое тварію откровеніе сыновъ Божіихъ. И произойдетъ это силой всемогущества Божія, а не отъ дѣятельности людей. Сказано: *тварь освобождена будетъ*. Правда, человѣкъ, какъ сотворенный по образу Божію (Быт. 1, 27), получилъ отъ Бога власть надъ всѣми животными на землѣ (Быт. 1, 28), а силою благодати она достигаетъ въ немъ такой высоты, что человѣку не могутъ вредить ни ядовитыя змѣи, ни даже злые духи (Лук. 10, 19. 20), что и обнаружилось въ чудо-

творцахъ и святыхъ подвижникахъ. Но пересоздать весь строй жизни животнаго царства человѣкъ не можетъ; власть его надъ животными и вообще надъ всей природой имѣетъ свои предѣлы и довольно незначительна. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что человѣчество, если бы оно обладало большей силой духа и святостію, приручило бы львовъ, тигровъ, змѣй и другихъ кровожадныхъ животныхъ и могло бы ихъ постепенно преобразовать въ животныхъ травоядныхъ, подобно тому, какъ оно приручило и преобразовало нравы и жизнь собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ. Вѣдь и теперь есть укрощенные и прирученные львы и медвѣди. Но мы не можемъ представить даже возможности того, какими-бы способами человѣкъ могъ акулъ, щукъ, сомовъ и безчисленное множество другихъ водныхъ хищниковъ сдѣлать не хищниками, или какимъ-бы образомъ онъ могъ воспрепятствовать жукамъ, паукамъ, муравьямъ и другимъ насекомымъ пожирать мошекъ, пожирать другъ друга.

Нѣкоторые факты показываютъ, что при настоящемъ порядкѣ вещей на землѣ едва-ли даже желательно всеобщее, такъ сказать, замиреніе въ животномъ царствѣ. Безъ сомнѣнія, ни намъ, ни всякому вообще человѣку не можетъ быть симпатично зрѣлище убійственной войны всѣхъ противъ всѣхъ. Но при настоящемъ состояніи жизни на землѣ оно, повидимому, въ животномъ царствѣ есть неизбѣжное и непредотвратимое зло, которымъ, однако, достигается благо, поддерживается самая жизнь на землѣ, существованіе установившагося строя. Предполагаютъ, что если-бы рыбою икру не клевали птицы, не ѣлъ человѣкъ, не пожирала животныя, равнымъ образомъ, если-бы рыбой не кормился человѣкъ и не питались ею ни рыбы, ни птицы, ни звѣри, то по истеченіи нѣкотораго времени рыбы размножились-бы въ такомъ безмѣрномъ количествѣ, что океаны выступили бы изъ береговъ и залили бы всю землю. Собирая то, что каждая рыба-самка ежегодно бросаетъ тысячи, даже сотни тысячъ рыбьихъ зародышей (икры), что изъ нихъ выводится только ничтожно малая доля, что безмѣрное количество икры и рыбъ погибаетъ отъ безчисленныхъ хищниковъ, что каждый уничтоженный зародышъ и каждая погибшая рыбка произвели бы въ нѣсколько лѣтъ безчисленное потомство, если бы

остались цѣлы, припоминая законъ геометрической прогрессіи, по которому единица уже чрезъ нѣсколько рядовъ да-етъ миллионы, мы можемъ признать это предположеніе вѣроятнымъ. И какъ рыба переполнила бы океаны воды, такъ саранча, тля, мошки и вообще всякаго рода насѣкомыя, если-бы они не имѣли враговъ, переполнили бы воздушный океанъ, пожрали-бы всю растительность, и отъ голода погибли-бы всѣ животныя и люди; насѣкомыя распложаются еще быстрѣе рыбъ, потому что, между тѣмъ какъ рыбы въ теченіи года дѣлають только одинъ выводокъ, насѣкомыя производятъ нѣсколько поколѣній, которыя въ свою очередь тотчасъ же распложаются (за исключеніемъ проходящихъ метаморфозы). Даже небольшія, вполнѣ частныя, нарушенія экономіи природы ведутъ къ разстройству. Кролики въ старомъ свѣтѣ самыя безвредныя животныя. Напротивъ, въ Австраліи, будучи завезены туда европейцами, — конечно, недавно, и въ количествѣ самомъ незначительномъ, — размножились до такой степени, что сдѣлались самымъ вреднымъ для насажденій человѣка животнымъ, и всѣ усилія жителей уничтожить ихъ или даже только пріостановить ихъ размноженіе, а равно и предохранить поля и сады отъ ихъ хищничества, почти вовсе не достигаютъ цѣли. Такое различіе размноженія ихъ въ Старомъ Свѣтѣ и въ Австраліи объясняется тѣмъ, что въ Старомъ Свѣтѣ у нихъ много естественныхъ враговъ, а въ Австраліи они имѣють только одного врага въ лицѣ человѣка. Въ Америкѣ прежде воробьевъ не было, а теперь отъ нѣсколькихъ паръ, привезенныхъ европейцами, меньше, чѣмъ въ столѣтіе, воробьи въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ размножились такъ, что наносятъ огромный вредъ полямъ и плантаціямъ. Причина излишняго размноженія опять та же: отсутствіе естественныхъ враговъ, такъ какъ въ Америкѣ нѣтъ ни коршуновъ, ни другихъ хищныхъ птицъ, которыя охотились бы за воробьями.

Повторяемъ опять, что убійственная война, которая идетъ во всемъ животномъ царствѣ на землѣ, начинающая съ высшихъ ступеней ея и кончая низшими, представляетъ тяжелое зрѣлище для человѣка, но при существующемъ строѣ жизни она есть роковая неизбѣжность, есть своего рода законъ, которымъ поддерживается самая

жизнь на землѣ, она - безпорядокъ, которымъ, однако, достигается высшій порядокъ, незамѣтная, на первый взглядъ, высшя цѣли, такъ что и этотъ безпорядокъ не можетъ давать повода человѣку упрекать Творца въ недостаткѣ благости или мудрости по отношенію къ твари.

Въ частности и человѣку Богъ не воспретилъ вкушать мясо животныхъ, а слѣдовательно и убивать ихъ. *Все движущееся, что живетъ, будетъ вамъ въ пищу* (Быт. 9, 3).

Какъ ветхозавѣтнымъ, такъ и новозавѣтнымъ закономъ воспрещается только вкушать идоложертвенное мясо, кровь и мясо удушенныхъ животныхъ (Быт. 9, 4. 5; Лев. 17, 10—15; Дѣян. 15, 20. 29). Моисеевъ законъ, кромѣ того, воспрещалъ вкушать мясо нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ, признаваемыхъ нечистыми (Лев. 11 гл.). Но дозволяя убивать животныхъ для того, чтобы питаться ихъ мясомъ, Св. Писаніе воспрещаетъ мучить ихъ. *Не вари козленка въ молоко матери его* (Второз. 14, 21). Не воспрещая убивать животныхъ для употребленія ихъ въ пищу, Откровеніе даже и въ этомъ обнаруживаетъ свою истинность, соотвѣтствіе съ существующими законами природы и превосходство предъ сантиментальнымъ ученіемъ буддистовъ о томъ, что человѣкъ не долженъ убивать никакого живаго существа. Возвышенное по существу своему, это ученіе непримѣнимо къ существующему на землѣ строю жизни, а потому и не можетъ быть признано здравымъ и истиннымъ.
